
Александр Восьмой
Облитератор (7 предсказаний)
(Даффи Толстяк)

Александр Восьмой

Облитератор (7 предсказаний) (Даффи Толстяк)

Серия «Предсказания», книга 1

https://litres.ru/74073854
SelfPub; 2026

Аннотация

В работе рассматривается гипотетический сценарий глобального экономического и экологического коллапса, спровоцированного одновременным кризисом на рынках нефти и меди. Анализируются риски истощения ключевых ресурсов, нарастания объёмов промышленных и бытовых отходов, а также цепной реакции в виде массового закрытия заводов и спада производства. Особое внимание уделено взаимосвязи сырьевого дефицита, деградации инфраструктуры и нарастания социально-экономической нестабильности. Автор моделирует каскадные эффекты: от роста цен и сбоев в цепочках поставок до масштабных миграций и утраты технологической устойчивости общества. Апокалиптический сценарий трактуется не как неизбежность, а как предельный вариант развития при отсутствии системных мер по ресурсосбережению и переходу к циркулярной экономике. Работа сочетает прогнозные модели, отраслевую статистику и сценарии кризисного управления.

Александр Восьмой Облитератор (7 предсказаний) (Даффи Толстяк)

Глава 1: Нефтяной кризис

2200 год. Мир, который когда-то гудел от моторов, теперь застыл в зловещей тишине.

На улицах мегаполисов — кладбище из металла и стекла. Ржавые машины, брошенные посреди проспектов, как безмолвные памятники ушедшей эпохи. Эскалаторы замерли, лифты не двигаются, небоскрёбы превратились в холодные каменные гробницы. Город, бывший символом прогресса, стал ловушкой.

Нефть кончилась. Не просто иссякла — исчезла, будто её никогда и не было. И вместе с ней рухнул весь привычный уклад жизни.

Трактора, которые десятилетиями бороздили поля, теперь стоят, покрытые пылью и ржавчиной. Их стальные тела бесполезны без капли топлива. Фермеры, привыкшие к машинам, теперь берут в руки лопаты и мотыги. Земля, некогда покорённая техникой, снова требует человеческого пота и крови. Каждый клочок пашни — это битва, где победа изме-

ряется горстью зерна.

Заводы, выпускавшие пластик, одежду, упаковку, лекарства — всё, что делало жизнь удобной, — замолчали навсегда. Конвейеры остановились, цеха опустели. Больше нет бутылок, пакетов, искусственных тканей. Мир вернулся к грубой, неудобной реальности: дерево, глина, лён, шерсть. То, что раньше казалось архаичным, теперь — роскошь.

Поезда, когда-то мчавшиеся по рельсам, теперь ползут, как древние чудовища, изрыгая клубы пара. Уголь стал новым золотом, но его мало, и он не может заменить всё, что давала нефть. Дороги пусты. Грузовики, грузовики-гиганты, перевозившие товары по всему миру, теперь ржавеют на обочинах, словно скелеты доисторических зверей.

Леса, которые раньше валили бензопилами за считанные минуты, теперь падают медленно, под ударами топоров. Каждый ствол — это дни тяжёлого труда. Люди рубят деревья, чтобы согреться, но сил хватает лишь на хворост. В тайге, где морозы сковывают землю, люди замерзают, потому что не могут добыть достаточно дров. Зима здесь не просто холод — это убийца, методично уничтожающий слабых.

Города, некогда кипевшие жизнью, теперь пустеют. Люди бегут из небоскрёбов, оставляя позади квартиры, технику, иллюзию безопасности. Они идут в деревни, где земля ещё может дать пищу, где можно построить дом из дерева, где огонь в печи — не роскошь, а необходимость. Деревни становятся новыми центрами выживания, крошечными остров-

ками надежды в океане хаоса.

Но даже там жизнь — это постоянная борьба. Чтобы прокормить скот, нужно сено, а чтобы собрать сено, нужны силы и время. Без тракторов каждый пучок травы — это тяжёлый труд. Искусственная кожа, пластик, синтетические материалы — всё это стало легендой, сказкой из прошлого. Теперь обувь шьют из грубой кожи, посуду делают из глины, инструменты — из дерева и металла, выкованного вручную.

Мир 2200 года — это мир, где прогресс обернулся против себя. Где технологии, которые должны были освободить человека, стали его тюрьмой. Где каждый день — это борьба за выживание, где каждое решение может стать последним.

Это не просто кризис. Это конец одной эры и начало другой — суровой, жестокой, но, возможно, более настоящей.

2200 год. Последний литр нефти был израсходован ещё в 2197-м. С тех пор мир не просто изменился — он треснул по швам, обнажив свою хрупкость.

Когда на табло нефтеперерабатывающего завода в последний раз моргнула цифра «0», никто не поверил, что это навсегда. А потом заглох первый двигатель. За ним — второй. И вскоре тишина накрыла планету, как саван.

Заводы, которые десятилетиями гудели, словно гигантские сердца цивилизации, застыли в мёртвой неподвижности. Конвейеры, где когда-то рождались машины, пластик,

ткани, теперь покрыты пылью и ржавчиной. Огромные цеха, полные теней прошлого, стали памятниками собственной гордыни. Металл остался, но без нефти он бесполезен: нет ни смазочных материалов, ни полимеров, ни топлива для плавильных печей. Индустриальная эра умерла в скрежете остановившихся механизмов.

Трактора, бывшие когда-то королями полей, теперь стоят, уткнувшись носом в сухую землю, как изваяния из ржавого железа. Их стальные тела — немые свидетели краха. Поля, которые раньше обрабатывались за часы, теперь покоряются только лопате и мотыге. Каждый взмах — это борьба. Каждая борозда — победа, оплаченная каплями пота. Земля больше не прощает слабости: она требует всего человека целиком — его силы, времени, жизни.

Нефтяной кризис не просто остановил машины — он перерезал артерии мира. Без топлива встали поезда, замерли корабли, рухнула логистика, связывавшая континенты. Города, жившие за счёт бесконечного потока товаров, начали задыхаться. Сначала исчезли удобства, потом — изобилие, а следом пришла настоящая тьма: не только электрическая, но и экзистенциальная. Люди вдруг осознали, насколько они зависимы от капли чёрной жидкости, которую веками выкачивали из недр Земли.

На смену нефти пришёл пар. Старые угольные котлы, давно списанные в утиль, снова ожили. По рельсам поползли паровые локомотивы, изрыгая клубы дыма, словно драконы

из древних легенд. Но уголь — не нефть: он даёт меньше энергии, требует больше труда и оставляет после себя горы золы. Мир теперь пахнет гарью и отчаянием.

Города, некогда сверкавшие огнями, погрузились в полумрак. Улицы, забитые брошенной техникой, стали лабиринтами из мёртвого металла. Машины, которые когда-то символизировали свободу передвижения, превратились в ржавые ловушки. Люди покидают мегаполисы, словно крысы с тонущего корабля. Их путь лежит туда, где ещё теплится жизнь — в деревни, к земле, к истокам.

Там, в тишине полей и лесов, рождается новый уклад. Люди учатся жить без пластика, без синтетики, без мгновенной связи. Они шьют одежду из льна и шерсти, лепят посуду из глины, строят дома из дерева. Каждый предмет теперь имеет вес — не только физический, но и смысловой. Здесь нет места излишествам: ценность определяется не ценой, а необходимостью.

Но цена этого нового мира ужасающе высока. Зима приходит безжалостно, и без бензопил лес становится неприступной крепостью. Топоры стучат без устали, но сил хватает лишь на хворост. В тайге, где мороз сковывает дыхание, люди борются не только с холодом — они борются с самим временем, которое отсчитывает последние минуты жизни.

Это не просто кризис. Это перелом. Конец эпохи, когда человек верил, что ресурсы бесконечны. Начало времени, когда выживание стало искусством, а каждый рассвет — чу-

дом.

Мир 2200 года — это мир, где тишина громче любого гула заводов, где труд ценится выше золота, а простая горсть зерна может стоить дороже небоскрёба.

Глава 2. Ельцин 2.0

2050 год. Россия стоит на пороге новой эры — или на краю пропасти. Экраны по всей стране вспыхивают одним и тем же кадром: на трибуне — человек, в котором узнаётся тень прошлого. Те же резкие черты, тот же напор, та же уверенность, что он знает, как «спасти страну». Его называют Ельцин 2.0. И страна, ещё не оправившаяся от экономических штормов предыдущих десятилетий, замирает в тревожном ожидании.

А потом начинается перестройка. Только теперь её называют не «перестройкой», а «оптимизацией эффективности». Слова звучат гладко, почти научно, но смысл у них один: резать по живому.

Первыми под удар попадают государственные структуры. В один день подписывается указ, который переворачивает жизнь миллионов. Все, кто служил в госучреждениях — от клерков в министерствах до инженеров в НИИ, от врачей в поликлиниках до учителей в школах, — получают уведомления об увольнении. Не «сокращении», не «реорганизации»

— именно об увольнении. Формально — чтобы освободить место для «новой модели управления». Фактически — чтобы стереть с лица земли старую систему.

На их места приходят самозанятые. Люди, готовые работать за десятую часть прежней зарплаты, лишь бы иметь хоть какой-то доход. Они подписывают договоры на фрилансе, не имеют соцпакета, больничных, отпусков. Их график — 12 часов в день, шесть, а то и семь дней в неделю. Им говорят: «Это свобода! Вы сами себе хозяева!» Но свобода эта горькая, как пепел на губах.

Система перестраивается с безжалостной скоростью. Госаппарат, который когда-то был громоздким, но стабильным, теперь напоминает скелет, обтянутый тонкой кожей. Бюджеты «оптимизируются», расходы на содержание служащих сокращаются в разы. Чиновники нового формата не сидят в кабинетах — они координируют процессы через цифровые платформы, где каждый отчёт, каждая подпись, каждое решение превращается в строчку кода.

Но за этой «эффективностью» скрывается катастрофа. Больницы работают на пределе: врачи-самозанятые принимают по 50 пациентов в день, не успевая даже толком выслушать жалобы. Школы превращаются в конвейеры: учителя проверяют сотни домашних заданий, не имея времени на живые уроки. Инженеры, проектирующие мосты и дороги, вынуждены брать по три заказа одновременно, чтобы свести концы с концами. Качество падает, ошибки множатся, но си-

стема требует скорости.

И тогда по стране прокатывается волна возмущения. Сначала — тихие роптания в чатах и на кухнях. Потом — одиночные пикеты у зданий администраций. А затем — массовые протесты. Люди выходят на улицы с плакатами, на которых написано: «Нас обокрали!», «Где наши гарантии?», «Это не свобода — это рабство!».

В Москве, Санкт-Петербурге, Новосибирске, Екатеринбурге толпы заполняют площади. Лозунги звучат всё громче, требования — всё жёстче. Люди чувствуют себя преданными. Они отдали годы службе государству, верили в стабильность, строили планы. А теперь их выбросили на обочину, заменив дешёвой рабочей силой, которую можно нанять и уволить одним кликом.

Власти пытаются удержать ситуацию под контролем. Вводятся новые законы о «регулировании публичных мероприятий», усиливается работа цифровых систем наблюдения. Протесты называют «деструктивными действиями», а их участников — «агентами хаоса». Но чем жёстче становится реакция, тем сильнее накаляется обстановка.

В регионах начинаются локальные революции. В некоторых городах люди захватывают здания администраций, требуя отмены указов и возвращения прежних условий труда. В других — рабочие устраивают забастовки, останавливая производство. Страна раскалывается на тех, кто верит в «новую эффективность», и тех, кто видит в ней грабёж.

Ельцин 2.0 стоит на трибуне и говорит о «жёстких, но необходимых мерах», о «переходе к гибкой экономике», о «свободе выбора для каждого гражданина». Но его слова звучат всё менее убедительно. В глазах людей он — не спаситель, а человек, повторяющий ошибки прошлого, только теперь в более технологичной упаковке.

Ночь. Площадь в центре Москвы. Тысячи фонариков, поднятых вверх, напоминают звёзды, упавшие на землю. Люди поют старые песни, читают стихи, делятся историями о том, как их жизнь изменилась за считанные месяцы. В воздухе витает не только холод, но и решимость. Это не просто протест — это крик души целой страны, которую обманули и предали.

Россия 2050 года стоит на перепутье. С одной стороны — холодный расчёт, цифры, алгоритмы, обещающие «эффективность». С другой — живые люди, их боль, их право на достойную жизнь. И пока чаша весов колеблется, будущее страны висит на волоске.

Теперь ты – «самозанятый», сиди и слушай, прославь тиранов

Глава 3. Медь

2100 год. Планета выдохлась. Последняя тонна меди была поднята из недр Земли в шахте на Кольском полуострове. Экскаватор дёрнулся, лязгнул железом — и замер. Ковш так

и остался висеть в воздухе, словно в немом вопросе: «А что дальше?»

С этого мгновения мир начал рассыпаться на части — не с грохотом, а с тихим, зловещим щелчком, когда из цепи выпадает последнее надёжное звено.

Медь была кровью цивилизации. Не громкой, как нефть, не очевидной, как уголь, но самой важной — той, что бежала по жилам городов, оживляя провода, заставляя биться сердца трансформаторов, зажигая свет в миллиардах окон. Без неё электроника становилась грудой мёртвого пластика и стекла.

Сначала исчезли мелочи, и именно они ударили больнее всего. Перестали выпускать наушники — те самые, что заглушали шум мира и дарили иллюзию уединения. Люди вдруг оказались лицом к лицу с реальностью: с гулом ветра, скрипом старых домов, криками детей, которые теперь нельзя было спрятать за музыкой. Потом пропали лампочки. Сначала — светодиодные, потом — даже старые лампы накаливания, ведь и в них медь была нужна. Свет начал уходить из домов, как уходит тепло из остывающего тела.

За лампочками и наушниками последовали датчики — те незаметные стражи, что следили за температурой, давлением, движением. Без них остановились системы климат-контроля. Ветродуйки, которые раньше тихо гудели в углах комнат, прогревая воздух, теперь стояли мёртвыми коробками. Дома начали остывать. Сначала понемногу, потом всё силь-

нее. Зима пришла не как сезон, а как приговор.

Провода — тонкие, гибкие, вездесущие — стали роскошью. Их начали беречь, как драгоценности. Старые кабели выкапывали из-под асфальта, очищали от изоляции, переплавляли и тянули заново, но этого хватало лишь на самые важные узлы: больницы, правительственные здания, склады. Остальной мир погружался в полумрак. Улицы, когда-то залитые неоном, теперь освещались редкими фонарями, работавшими на остатках запасов.

Конденсаторы — эти крошечные хранители энергии — тоже исчезли с конвейеров. Без них не работали стабилизаторы, не запускались двигатели, не держался заряд в батареях. Электроника, которая должна была служить десятилетиями, начала умирать за месяцы. Смартфоны, планшеты, ноутбуки превращались в бесполезные прямоугольники. Связь рушилась. Интернет, когда-то казавшийся вечным, стал роскошью, доступной лишь в отдельных анклавах.

Вся промышленность, связанная с медью, остановилась. Заводы, где когда-то гудели станки, теперь стояли в тишине, нарушаемой лишь скрипом ржавых механизмов и шагами редких охранников. Шахты, истощённые до предела, были закрыты. На их месте остались зияющие раны в земле — шрамы, напоминающие о том, сколько мы взяли и ничего не вернули.

Электромобили, когда-то символ прогресса и чистой энергии, стали легендой. Их производство прекратилось: без

меди невозможно сделать ни двигатель, ни аккумулятор, ни систему управления. Те немногие машины, что ещё ездили, превратились в реликвии. Они стояли в гаражах олигархов, в охраняемых комплексах, куда простым людям вход был заказан. Для большинства населения электромобиль стал не транспортом, а мифом — чем-то из прошлого, о чём рассказывали старики.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.